

«Вечерняя Москва» 14 сент. 2000 г.

ТЕАТР
ПРЕМЬЕРА

«Евгений
Онегин...
Пушкин»
Режиссер
М. Крылов
Агентство
«БОГИС»

Онегин учит Татьяну уму-разуму
(Галина Кашковская и Михаил Крылов)

«Чэгэпнусь ль я, дрючком пропэртый?»

ПУШКИН НА ТРОИХ

Ольга ФУКС

На языке братского славянского народа предсмертная тоска Ленского («Паду ли я, стрелой пронзенный./Иль мимо пролетит она») будет звучать примерно так: «Чэгэпнусь ль я, дрючком пропэртый./Чи мимо прошпандорьть вын». Смешно, даже очень (да простят меня братья-славяне). И за Пушкина не обидно — он (да простят меня перекормленные юбилейными торжествами соотечественники) так велик, так мудр и легок, что никакие наши шутки-прибаутки ему не повредят — соскользнут, как с тефлоновой поверхности. Но если всего «Онегина» перевести на язык братского славянского народа или самой разустебистой пародии (если она талантливая, в противном же случае разговор вообще не имеет смысла), то взрывы гомерического хохота будут раздаваться все реже и реже, сдавая позиции легкой скуке. Пушкин не может быть только материалом для игровой-игривой изобретательности по ча-

сти выворачивания смыслов наизнанку. Он, конечно, повозится с игроками какое-то время, поиграет в наши игры (и даже, может быть, с удовольствием), но потом ускользнет, зевнув, по-английски, без предупреждения, и мы почувствуем легкий привкус пустоты. Так произошло на спектакле молодого актера (и теперь уже режиссера) Михаила Крылова, в прошлом «птенца гнезда Фоменко», упорхнувшего в свободный полет. Персонажи «Евгения Онегина» разошлись у него на троих.

Можно, например, разбить эффектной паузой и бравурной музыкальной строчкой «Кончаю!!!.. страшно перечесть». Или расставить смысловые ударения в другой строчке «И часто... целый де-ень! ОДНА!!! сидела МОЛЧА! у окна!..», наглядно доказав, что у Татьяны не все дело. Можно порезвиться властью на строчке «А муж в сраженьях изувечен». Можно выдать классный рэп под онегинскую отповедь «Не отпирайтесь, я прочел души доверчивой признание». Пушкинская поэма

беззащитна перед буйством фантазии людей играющих и — неуязвима. Упаси вас бог принять сей опус за брюзжание от имени обиженного пушкиноведения (кстати, пару оскорбленных зрителей покинули зал, что было тут же остроумно обыграно). Фантазия, изобретательность, степень отдачи Галины Кашковской, Михаила Крылова и Александра Кочубея, а также способность обыгрывать каждую запятую, с чего, собственно, и начинается театр, достойны всякого уважения. Но важно не только придумать, как сказать, но и понять, что хочется сказать. Хотя однажды это «что» прозвучало довольно внятно, пусть мелко и в ультрапародийной форме: зараженный любовью Евгений — в прошлом рэппер, мачо и вообще крутой Уокер — начинает вдруг изъясняться в экзальтированной манере Ленского — поэта и романтика до судорог. И получается этакая антиобыкновенная история, в которой не поэт эволюционирует в циника, а циник в поэта.